

На камъта до мене Павел Бауман

ПАВЕЛ БАУЛИН

НА ПАМ'ЯТЬ ОБО МНЕ

Стихотворения

ЗАПОРОЖЬЕ
РИП «ВЫДАВЕЦЬ»
1992

ББК 84Р7

Б29

Внешнее оформление **В. Шеремета**

В новую книгу поэта вошли стихи, написанные в последние два-три года, а также лучшие произведения из предыдущих сборников и стихотворения, которые по известным причинам не могли быть напечатаны в минувшие времена.

Главная тема, главный вопрос, который поэт задает и себе, и каждому из нас, внешне прост, несмотря на структурную сложность, необычную метафоричность и ассоциативность многих стихотворений. Этот вопрос сформулирован поэтом в его давней поэтической строке: «Что запомнит Земля о тебе?»

Книга издана на средства спонсора —
комбината «Запорожсталь»
(генеральный директор Виталий Анатольевич Сацкий)
при посредничестве запорожской СШ № 47
(директор Валентина Вячеславовна Коваль)

4702010200-030

Б — Без объявл.

© Баулин П. В., 1992

92

ISBN 5-7707-1936-2

---

* * *

Когда я понял, что у вас в чести
злословие — постыдной славы завязь,
я помолился:
— Господи, прости
им эту злобу и глухую зависть.

Убого-нагло льстили мне в глаза
И комья грязи в спину мне швыряли.
Я обернулся:
— Вот моя слеза.
Омойтесь и очиститесь. —
Не вняли.

Я вас учил,
где свет лежит, где тьма.
Таланта нет — хоть душу не порочьте!
О, Господи!
Ни сердца, ни ума!
Лишь яд с клыков да жалобы
по почте.

...Мой свежий шаг,
мой искренний полет,
о, как вы ненавидели спесиво!
Бараньи головы!
Когда ж до вас дойдет,
что я и был ваш светоч и Мессия.

РУССКИЙ
ОБЫЧАЙ

МОНОЛОГ

— Я — камень.

Не драгоценный и даже не полу...

Слишком громоздкий и серый

для золотых оправ.

Я — камень,

проросший в диком российском поле

среди тысячелетних, нетронутых трав.

Целясь мне в сердце,

чужие ветры как псы визжали,

но пулями сплюснутыми осыпались вокруг меня.

Я в ряд становился

со стальными сварными «ежами»,

чтоб не прошла здесь ни черная сила,

ни круповская броня.

Молнии вешние

на плечах моих вили гнезда.

Бил мне в грудь кипяток

страстных мартовских рек...

Камень рушиться может,

но он никогда не гнется.

Даст стихиям отпор,

даст укрытие путнику и ночлег.

2.

Чу! Стон от небес до земли:
«Виновны во всем москали ¹!»
А кто за Россию речист, —
трезубец под дых — шовинист!

Где ж Сергей наш, где Пересвет?
Пьет русский мужик триста лет.
И кто его, право, осудит?

К бессмертию шел и к Христу,
и, может быть, был за версту.
Но русский поверил Иуде.

И небо, и землю везет на хребте,
забыв о бессмертии и о Христе,
мужик в полудреме беспечной.

А кто управляет надежной уздой,
стоят высоко под кормящей звездой,
пяти ли, шести ли конечной.

Великий мертвец не находит земли.
Из семени воли тираны взошли.
Чу! Ропот: «Виновны во всем москали,
блажные Ивановы-кацапы!»

---

¹ Москаль (от Москва, Московщина) — пренебрежительное название русского.

Уездную бражку сосет Пересвет.
Не сдаст демократ — безопасность не съест.
Пропито копьё, оприходован крест.
На горле татарские лапы.

3.

Круги перестроек — грядущий аврал.
Весь «Мемориал» — на лесоповал.
Усохшие щупальца устья
великой реки захолустья!

Над нею портреты как листья летят.
Назад, как вперед, устремляем свой взгляд.
Нет дома. Но светит подкова.

Глядите, месившие кровь на дерьме,
как жутко встает над Россией во тьме
святая пора Куликова...

1989

СОН ГРЕШНИКА

Грех есть болезнь души.

Грех есть корень смерти.

Иоанн Златоуст

Когда июль допотопно вьюжен,
когда искусство равно рублю,
вскричу: «За что?
Мне никто не нужен!»
И мир прокляну: «Никого не люблю!»

За что мне снятся пустые флаги
и флаги,
сотканые из темноты?
(Стекает колко крупица влаги
по злему крылу заводной мечты).

И крохи, и крахи
стальных империй,
и доски почета,
и доски икон...
За что мне снятся горящие двери
и долго
парящий над миром балкон?

Но молнии кнут беззастенчив и душен,
и спринтеры-стрелки рванули к нулю.
Товарищ печали, никто мне не нужен!
Любимая тьмы, никого не люблю!

Восходят два солнца. Одно золотое,
второе — черней, чем кладбищенский стон.
Мы сами восславили солнце второе!
О, Господи! Если бы это был сон.

Успеть бы проснуться,
успеть поверить:
арбузное утро течет под уклон...
Сгорают чугунные мертвые двери,
парит быстрокрылый бетонный балкон.

1988

РАСПЛАТА

Ледяные костры тоски,
Суховей скупой печали,
Увядающие родники —
не казнили меня, молчали.

Небо немо сухой грозой,
Ночь кольнула прязной слезой.
Но — ни звука в слепой пустыне!

Лишь пригрезился страшный хрип —
Стая птиц или стая рыб
задыхалась в рассветной тине.

О, как хищно взбирался мох
на костра ледяное тело!
Я-то знаю, за что оглох.
Но за что Земля онемела?

РЕЧКА РОДИНЫ

Наркотический запах болота,
ностальгический бред камыша.
Облученных лягушек дремота,
облаченная в траур душа.

...Нагнетающий духа томленье
причитанием: «Не умирай!»,
лунный плач подгонял устремленье
в этот отчий промышленный рай.

Но не скоры мои километры.
«Речка, миленькая, подожди!»
Гонят стронций жестокие ветры,
и кислотные хлещут дожди.

Что за помесь затмений и фальши?
Бьют друзья, обнимают враги.
Как же дальше мне жить?
Что же — дальше?
Я приехал к тебе. Помоги!

Для глотка золотого полета
к прежним струям рванулась душа...
Наркотический запах болота!
Ностальгический бред камыша!

ПОСЛЕДНИЙ АЛХИМИК

Реторты, реторты, реторты,
в них ночь закипает уже.
Окончены споры и торги,
Вердикт: он — ученый,
но — лже...

И все же в ретортах громадных
бушует великая ночь.
Хохочут в огне саламандры.
Подите, насмешницы, прочь!

Как дьяволы, стонут реторты,
хрипят саламандры не зря.
Вот-вот из полночной аорты
священная хлынет заря.

Помножены пламень на пламень
в суровой и скорбной печи,
где зримо колышется камень
уже философский почти!

Помножены колбы на тигли,
и тьма — на пропащую тьму.
Вот-вот — и удастся постигнуть
смысл жизни и смерти ему.

Вот-вот, одолея задачу,
отвергнутый, злой бородач
окупит своею удачей
века и века неудач.

КРЫЛЬЯ

— Эти крылья мои, прочь с дороги! —
он вскричал. Но погасла свеча.
И услышал он голос нестрогий:
«Эти крылья — с чужого плеча».

— Ах, с чужого... — сказал он устало.
Взял топор, поплевал на восток.
Жадно крылья рубил, но упало
в землю перышко — вышел росток.

Стебля два — на две стороны света —
заострялись, белели, росли...
Человек изумился:
— Так это —
крылья! — Выдернул их из земли.

— Эти крылья мои по закону! —
он вскричал. Но погасла свеча.
И услышал он голос знакомый:
«Эти крылья — с чужого плеча».

— Как с чужого?
Да я же их первый...
«Не твой они». — был приговор.
Крылья сжег. Правда, несколько перьев
он зачем-то хранит до сих пор.

ПРОВИНЦИЯ. 1989

На ступенях нищенка сидела.
Время пик. Подземный переход.
Мимо тек по делу и без дела
хмурый, озадаченный народ.

Нэпман-жук, потеющий во благо
родины и сумрачных идей,
нищенку прогнал: «А ну-ка, баба,
не смущай убожеством людей».

Бросив пятаки на дно кручины,
шла державы странной сирота.
Сыто мчали черные машины
седоков на праздник живота.

Ждал народ смиренно и устало,
«Чайки» шли, не сбрасывая газ.
Яркий лозунг нищенка читала
о единстве партии и масс.

Горький смог мерцал и колебался.
И сквозь эту городскую гарь
нищенке с портрета улыбался
добрый Генеральный секретарь.

СЛАВЯНСКАЯ ЯВЬ

Вот Икар — голубой мотылек,
обгорев, упадает на камень,
Вот безбожник — свечи фитилек,
а вокруг — инквизиторский пламень.

Вольнодумцы сойдут со свечи, —
времена бы без них обнищали.
Несогласие их прозвучит
прочим смертным благим обещаньем.

Как наивен, как дерзок восход.
И свеча будто бы умирает.
Кто-то Новый уходит в народ
с обещаньями близкого рая.

Кто-то Новый...

Хоть путь и не нов.

И награда — иным в назиданье:
снисходительность поздних веков
и теперешних — непониманье.

На костер. На костер! На костер!
Нет страшней и любимей спектакля.
На массовку орет режиссер
с крестовины святого распятия.

На костер. На костер! На костер!
Но отступник
сквозь красные платя
вдруг горящие руки простер,
и просыпался пепел проклятья.

На костер. На костер! На костер!
Но в святое свое воскресенье
он холодные длани простер,
и развеялся иней прощенья.

...В наших жилах струятся года.
Города, города и руины,
и руины, и вновь города.
И на землю — то пепел, то иней.

Вольнодумец, сходя со свечи,
свое время спасает, как прежде.
И в его несогласьи звучит
и любовь, и печаль, и надежда.

Злых веков подползает ледник,
тают призраки близкого рая.
И на черном костре еретик
высшей милостью все не сгорает.

НОЧНАЯ ТРОПА

Только ветер да ветер, да сучья,
да в глаза ледяная крупа.
Но явился на выручку случай —
задышала под настом тропа.

Только ночь, только ночь, только вьюга.
Спотыкаясь о ветер и мрак,
по следам неизвестного друга
я старался подстраивать шаг.

Замогильно деревья стонали,
и терялся спасительный след.
Я подумал:
дойти мне едва ли...
И увидел за пустошью свет!

Слава Богу, спасение близко.
Но под веткой на сером снегу
мертвым светом дрожала записка:
«Я устал. Я идти не могу».

И на этом тропа обрывалась.
И упал — обессиленный — я.
И на этом тропа начиналась,
и судьба начиналась моя.

Признайтесь на миг
в припадке измены и скуки, —
нет сладостней жути,
чем видеть мой лик
и чувствовать мертвые руки.

Ваш траурный ум
познал все убожества мира.
Венец устремлений и дум —
замерзшие губы вампира.

Я делаю: чмок!
И вы истекаете страстью.
Я ваш паучок,
безмозглые мухи ненастья.

Отвисла губа
в крови ваших черных желаний.
И я превращаюсь в раба,
прислужника тайных страданий.

Не стерлись клыки,
нет спада в естественном зове.
Но тяжки глотки
испорченной крови!

Миную ночную тропу,
зимую под звездною кровлей,
а утром в гробу
я рву вашей кровью.

Я гол, как сокол,
от выи до пяток.
Осиновый кол
не вбили пока меж лопаток!

Проснитесь впотьмах
под мертвенной рамой распятия.
Желанье и страх
воистину — кровные братья!

1984

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Что согреет меня?
Только снег,
только лед безымянного года.
Что загубит меня?
Пьяный смех,
горький смех под крылом недорода.

Алчный люд!
Не бунтарь и не шут,
промотавший, предавший святыни,
чуешь,
дьяволу славу поют
даже ветры родимой пустыни?

РУССКИЙ УЗЕЛ

Ю. К.

Убога была,
А вымысел — жесток.
Какую цену взять за сей урок?
Где злая золотая середина?

Ум дорожает, как вчерашний снег,
Дурь обрекли на лавры и успех, —
Веселая, кровавая година!

Иуде нынче слава и почет,
Жиреет проходимец-звездочет,
Горбатится оплеванный народ,
Подлец пупок едва не надорвет,
витийствуя от имени народа.

Кто лапы к горлу русскому простер?
Кто сатану возводит на престол?
Кто нас лишил земли и небосвода?

Народу — кнут,
Отечеству — хула.
Объедки с заграничного стола,
как манну, обещают демократы.

Державы нет — кровавые куски, —
Остры национальные клыки!
И еле брезжит судный час расплаты.

И только ветеран былой войны,
Не веря ухищреньям сатаны,
На пиджаке потертом носит орден.

А ночью бредит (кто тут виноват?):
«Товарищ Сталин, дайте автомат!»

О, да поможет нам Святой Георгий!

1991

ДВА СЕРДЦА

В траве вечерней остывают зори,
как угольки в серебряной золе,
как на ладонях — рваные мозоли,
когда, уставший, припаду к Земле.

Но в этот час блуждающего света,
забыв о сделках,

гонках,

болтовне,

в поту горючих рос

моя планета

прижмется обессиленно ко мне.

Не встану,
даже если и отважусь,
когда меня придавят с двух сторон:
планеты нестерпимейшая тяжесть
и тягостно обрушившийся сон!

С Землей сольюсь!

Ни горечи, ни ссадин.

И в тишине никто не различит,
чье это сердце, загнанное за день.
так страшно и мучительно стучит.

СЧИТАЛКА

Ветки трутся о тьму —
странный звук,
в нем — тоска неизбежных разлук,
безысходность декабрьских ночей,
смертный холод фальшивых речей.

Ветки трутся о тьму.
Выбор — ваш:
безысходность, тоска или фальшь?

ИСКУШЕНИЕ

Фальшивого неба квадрат.
Устало-смиренна округа.
— Кого дожидаясь, брат?
— Жду друга.

Миражно трепещет закат.
Отмерены дали и сроки.
— Напрасно надеешься, брат.
Уж вечность, как мы одиноки.

— Не верю. Лети себе прочь,
Наемница адова круга!
— Пойдем. Подбирается ночь.
— Я жду, тебе сказано, друга!

— Не стоит упорствовать, брат.
— Оставь меня, дьявол, в покое!
— Ну, что же. Ты сам виноват...

Земля. Одиночество. Двое.

СТРАХ

Куда мне спрятаться?
В стандартные извилины морские?
В извилины затравленного мозга?
Там так промозгло!

Куда мне спрятаться?
В усердный кратер ближнего вулкана?
В старинный кратер сплетен?
Там вонь и плесень!

Куда мне спрятаться?
В тень заунывной приговорной пули?
В слепые зернышки зари глубокой?
Везде — стальное око!

Куда?..
Донос. Допрос. Безвестность.
Протест под липким студнем оды.
Вчерашний страх!
Пронизывает годы.

ОТКРОВЕНИЕ

Полусвет, полусвет, полутени.
Изнуренных обочин кусты.
На Голгофу —
гнилые ступени.
На погосте —
гнилые кресты.

Ягод краденых горечь-отрава,
Сладость затхлая спален чужих,
Чердаков ненадежная слава, —
О, трофеи скитаний моих!

Ни кола, ни двора, ни любимой,
ни желаний!
Лишь — смутная страсть
смутной жизни, а может быть — мнимой?
Можно б ниже,
да некуда пасть.

Сквозь убожество тлена и лени
Не ударит огонь высоты.
...Восхожу на гнилые ступени,
Обнимаю родные кресты.

СУДЬБА

С жизнью — бесконечные ничьи:
сделки, компромиссы, договоры...
Реки превращаются в ручьи,
В холмики — заснеженные горы.

Всех надежд не продано еще.
Куплены не все услады быта...
Нет уже ни горок, ни ручьев,
Лишь — пустыня,
страшная, как бритва.

Спящий под надежною плитой,
Горько ль слышать из своей чужбины? —
Снова реки полнятся водой,
Снова к небу тянутся вершины!

---

* * *

Всё мимо —
и любовь, и грезы.
Есть кров,
да холоден очаг.
Все меньше чувств,
все больше позы
в твоих делах,
в твоих речах.

Заемных шуточек бряцанье,
искусных слезок мишура.
И патетичность восклицанья:
ах, наша жизнь — игра, игра!..

И отступленье — хоть не сразу —
в свой листопад (по зеленым!),
к отрепетированным фразам,
к отрежиссированным дням.

Но в жизни
и на сцене мгливой
досаду вызовет, не боль,
претенциозного артиста
неподдающаяся роль!

Не скажешь ты, что карты биты,
не выдашь горечи и зла.
Но черным — с умыслом — покрыты
в твоей квартире зеркала!

Когда ж, отчаяньем влекомый,
защитный креп
срываешь ты,
кривляка злой и незнакомый
глядит из мутной пустоты.

* * *

Не знаю,
может быть, и легче
без тягот черного труда.
Но видел я:
ржавеют рельсы,
когда не ходят поезда.

Но видел я:
в прозу, весною
они, почти металлолом,
дрожали тонкою струною,
когда катился стороною,
как поезд,
отдаленный пром.

1970

ВОЗДУШНЫЙ МИФ

Неси свой крест, воздушный человек,
вдоль мертвых гор и пересохших рек.
В трудах и скорби — укрепленье духа.
Зол сухостей, небесный свод жесток.
Коварен запад, мстителен восток.
Непротивленца обижает муха!

Неси свой крест, воздушный чародей,
скиталец-дух непознанных идей,
прядущего прозренья повелитель.
Не много славы на твоей тропе:
безумцам — брат, посмешище — толпе,
философам опальным — искушитель.

Неси свой крест, воздушный Бог — Никто!
Жизнь — выдумка. Вселенная — лото.
Бессмертия для выигрыша мало.
Никто в ничто в младенчестве играл:
жизнь сочинял, как некий идеал...
Так кто ж мы от конца и до начала?
Лишь мысли штрих в познании идеала.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

Садовнику лучшей наградой —
увидеть, как в избранный срок
горячая гроздь винограда
отдаст аромат свой и сок.

По желобу, словно по руслу,
богатому лету в зачет,
веселое сладкое сусло
в дубовые бочки течет.

А в бочках огромных — движенье,
шипящая пена видна.
Брожение — еще не рождение,
а только зачатие вина.

В подвале, окуренном серой,
все зреет и зреет вино,
в объятиях сумерек серых,
сухих и прохладных, оно.

Чистилище фильтров готово, —
прозрачней вино и нежней.
Но в бочках стоять ему снова
до выдержанности своей.

Как плод многолетний, созрело
вино,
что выносят на суд.
О, хлопотный труд винодела,
искусный и благостный труд!

Но чувствуя горечь и жалость,
на пьяный гляжу балаган,
где льется вино,
унижаясь!
В дрожащий граненый стакан.

ДЕРЕВО НА ХОЛМЕ

Здравствуй,
дерево-сирота!
Одинока твоя вершина,
незавидна твоя высота...
Шорох листьев донес:

— Чужбина...
Ветер нагл и земля суха.
Нет гнездовий.
пугливы тучи.
В искупленье чьего греха
я распятем торчу на круче?
Две зари, раздувая меха,
обдают нестерпимым жаром.
Зимы хищно вонзают жала
мне под кожу. Дело — труха!
Ветер нагл и земля суха.

Ветер наглый прядет слезу,
Небо горбится в блеклой стыни.
Тьма деревьев журчит внизу,
А одно, встречая грозу,
точно знамя, гудит на вершине.

ДЕКАБРЬСКАЯ ТРАССА

Снег! Среди ясного неба —
белые чудеса.
Ветер игрив, как зебра,
и полосат.

И полоса тревоги.
Спидометра нимб магический.
Линейкой летит дорога
белой логарифмической,
с черными цифрами хаток.
Но не до счета, право,
если в рентгене заката —
вывих дороги вправо!

Не разглядеть обочин,
не различить огней.
Первому страшно. Впрочем,
сотому — пострашней.

Утро. Зияет небо.
И впереди — ни души!
Снова сверкают немс
белые виражи.

Скорости наизнанку,
если заносит. Ух!
Пальцы вмяты в баранку —
в черный спасительный круг.

---

* * *

Удача! Слава! В чьей вы нынче власти?
Из чьих волшебных сотканы огней?
...И молвит, взяв свое творенье, мастер:
— А мой соперник все-таки сильней.

Он тем сильней, что в нем прочнее связи
с простой землей, с дорогою своей.
Он тем сильней, что свет его фантазий —
как воздух леса, как простор полей.

Я — весь предчувствие, он — клокотанье чувства.
Он душу ищет, я ищу слова.
Я следую традициям искусства.
Он внемлет жизни, сути естества.

Моя любовь — порыв, его — услада.
Он смотрит вглубь, я — ввысь, поверх голов.
Я — сада аромат, он — корни сада.
Он резок, даже крут, я не люблю углов.

Но оба мы — одно. Наш общий Бог — работа.
Одолевая вечности черту,
на гребне он бесстрашного полета,
я набираю боль и высоту.

БЕЛАЯ
ДОРОГА

ПОЛЕТ

1

Мгновение, ты — озеро. Твой цвет —
цвет нынешнего времени. Вода
мутна, остра, сентиментальна...
И бездушна?

Вхожу в тебя и не могу войти —
не ощущаю влаги. Исчезаешь!
...Дно обнажилось, обратясь
в безмерную песчаную пустыню.

В глубокие следы, толкаясь,
низвергаются песчинки
и гулкие стеклянные осколки
раздавленных — под гнетом времени —
часов.

2

щемящие каналы тьмы вчерашней
любви любви
слепые поцелуи под слепым дождем
и ангел воспаривший равнодушно
и дельтапланерист

слепой полет
через слепое время

твоей подруге восемнадцать лет
целуй ее не мешкая целуй

пока смотрел на ангела пока
тянулся к ней пока искал губами
неясный Некто из пращи небытия
метнул песчинку

ТЫ ДОСТИГ

избранницы ты жаден ты припал
к истоку трепета но губы
но губы ощутили грудь старухи

по руслам старческих морщин
несется с грохотом песчинка
слепого времени

и твой слепой полет

точнее траектория полета
пересекает этот рваный прохот
в судьбою предначертанной
извечной точке эс

СОЗДАТЕЛЬ

Я вылеплю ночь из алой глины,
Я выдую землю
(как стеклодув!) из тумана.
На веточки созвездий сядут птицы.
На мягкие равнины выйдут люди.

И кто-то грядущий случайно спросит:
— Зачем наша ночь так тверда и ала?
Зачем земле не хватает плоти
и ветер в силах ее развеять?

И Я, пролетая над миром этим,
простой Творец вселенной пугливой,
шепну грядущему:
— Колокол сердца,
ударь, чтоб ночь черепками опала.

И Я, пролетая над миром новым, —
Творец? Созидатель? Экспериментатор?
Смолчу: любая земля не вечна,
но ваш заступник — Мой вечный разум.

---

* * *

...я лежу в колыбели
отец вкалывает на заводе
дедушка сходит в гроб

сын лежит в колыбели
я вкалываю на заводе
отец сходит в гроб

внук лежит в колыбели
сын вкалывает на заводе...

о бешеный конвейер-ненасытец!

---

* * *

этот утренний снег на вчерашнюю толь
этот утренний блеск
неподдельный холодный и робкий
снова миру воздаст целину для нехоженных троп
но увы мы пойдем проторенною тропкой

сколько в мире людей но так мало дорог
мы гуськом семенем колея в колею
след по следу

был ли старт наш не видно
а финиш уже недалек
где избитые тропы как шрамы легли на планету

нам накатанный путь — это в нашей крови
пусть соперников ждут целина миражи и бураны
но глядит мне в глаза облученный смертельно Кю
но с костра угольком обжигает мне сердце
Джордано

этот утренний снег словно шепот замри
и пред ним как пред зеркалом замерли мы у поро
то ль на чьем-то лице
то ль на лике Земли
в этот утренний снег как рубец кровотоцит дорога

этот утренний снег

ПРОВЕРКА В ПУТИ

зачем они меня остановили
из машины заставили выйти
сказали
сделай десять шагов
и теперь как зачарованные стрекозы
источают мне в спину
перламутр отрешенных взглядов

совпадут ли приметы

и дрожащая линза могучего неба
потрескавшаяся от надежд и томленья
укрупняет
до рельефности гор и ущелий
безобразный вопрос

СОВПАДУТ ЛИ ПРИМЕТЫ

и я ли это
задыхаюсь и прихрамываю
в чаду собственных испарений страха

СОН

лишь закрою глаза
и душа
до поры покидает уставшее тело
и уносится прочь
и парит низко-низко
над прожилкой листа
над прожилкой тропинки лесной

в это время мне снится
летаю
низко-низко парю над землей
так что видно прожилки листа
на тропинке осенней

о свобода души
но мгновения лунные кратки
и поспешна услада
и поспешен полет

на невидимых крыльях души
серебрится пыльца раздраженья
и слетает на голову мне
одуванчиковой сединой

будет ночь будет вечная ночь
и душа не вернется
из полета блаженного
из пучины услады своей

сколько лет нужно было
возвращаться в уставшее тело
сколько лет в этом красном мешке
под названием сердце
нагнеталась копилась кипела
страсть безумной свободы
и вот...

я остался один
я безропотно стал растворяться
и в прожилках листочка
и в прожилках тропинки лесной
и в урочищах млечных дорог
и в прохладе вечерней

вечной тайной объемлющей
и возбуждающей вас

ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ САДОВНИК

стерильный сад газетных штампов
любовно заготовленный компост передовиц
компьютерная аккуратность грядок
с гибридами банальностей и фальши

под полиэтиленом лицемерья
жиреют олегофреничные цветы
к любым событиям
и юбилейным датам

ученики-рабы
пропалывают сорнячки стихотворений

УСТАЛОСТЬ ПЕРВАЯ

а в дверь цветы стучались
воздушные цветы
угрюмо рвущиеся в небо

за стебельки цветов мои друзья держались
их мысли были тяжелы
поэтому цветы
моих друзей не уносили в небо

и вновь и вновь воздушный стук
тревожил запертые двери
но я уставший неподвижный
лежал в суровом выходном костюме
пошевелить рукой
и то мне было в тягость
мои ладони перевернутыми лодками
покоились на отмели груди

в открытое окно врывался гром
да нет не гром
победная мелодия хулы
шел вечный кровожадный митинг
парили лучезарные портреты
вождей приспособленцев
и иуд

в глазах вождей мерцала сытая усталость
светился оптимизм в очах иуд
а за шесты
парящих в небе солнечных портретов
цеплялись люди люди
но портреты
не уносили ввысь людей
в прекрасное обещанное небо

и люди были злы
но не грустны
скандировали небылицы и проклятья
и всякий прижимал поближе к сердцу
пустые корочки от партбилетов
в которых млели тусклые купоны
на будничную снедь
на нищенские странные утехы
на жизнь борьбу
во имя рая в светлом послезавтра

мне захотелось затворить окно
но горькая усталость не давала
пошевелить рукой
открыть глаза
не то чтоб встать

МОИ ЛАДОНИ

лежали перевернутыми лодками
на плоскогорье вымерзшей груди
а я был в хищной деревянной лодке
плывущей в бесконечном океане
свободы   сумерек   и самых чистых слез

вдруг отгоняя все иные звуки
вскричал мой бдительный
                         мой верный телефон
звонит надежда
                         встань и подойди
холодный неподвижный подойди
                         звонит надежда

из телефонной трубки вышел вздох
и аромат духов ее
и мягкий шепот крыльев

холодный и уставший
в хищной деревянной лодке
куда плыву
куда   и лодка
ударилась о каменный берег боли
и лодка разлетелась на куски
и ледяная влага мне вонзилась в кожу

я чувствую
я чувствую святую боль
боль отогрей мне сердце
рушь усталость

вот так
вначале медленно на локоть
я обопрусь
вдаль посмотрю и стану на колени
и оживет вольфрамовое божество
моей настольной лампы
и понесут меня воздушные цветы
к страницам свежим
и к земле высокой
где в самую реальную реальность
вселяется фантазия
душа

вольфрамовое божество тому свидетель

1990

---

* * *

что сулит мне квадрат горизонта

клеенку черничного неба
с пряничною звездой

холод водорослей
оплетающих руки

тихую скорость
вкрадчивых виражей

сырую темень
тараканьего шелеста
и крысиного визга

* * *

платонический месяц декабрь

скисший сироп утомленного снега
русла веток на старческом лице небес
жирные крылья бесполой птицы-печали

да базарная слякоть
омертвевших желаний

ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ

сквозь блестящие струи
темно-русой обильной реки
белизной проступают
два острова
нежных и круглых
и на каждом
по янтарному столбику посередине

а река нас выносит
на весеннюю
плодородную чудо равнину
о как чутко дыханье ее
в ожиданьи семян

дальше роща курчавится
треугольная тайная роща
ну а дальше
два сильных и восхитительных света
раздвигаются медленно-медленно
чуть подрагивая
ждут и манят в полон

ОЗЕРО У ПЕРЕВАЛА

стеклянные деревья замерли
над свежим озером и легкий сумрак
махровой зеленью окутывает их
и тишина —

картонный домик на песке
рассыпалась и превратилась
в тугие металлические крики птиц
и металлические крики птиц
на парашютах в сумраке повисли
над свежим озером
где замерли стеклянные деревья

стеклянные листья
стеклянные ветки
и серого мрамора корни

все мнительнее небо
все приглушеннее изменчивее дали
но резче металлические крики птиц
еще невидимая мутная луна
так сладко пробудилась и теперь
крадется к небу
чуть пониже горизонта
уже весна
изменница-весна

(как мучила она
и как незабываемо любила)
уже весна на самом
на исходе
и ты боишься наступленья лета
как   летом   жить?

и ты отчаянно
заносишь руку чтоб крушить
стеклянные надменные деревья
но пара птиц зеленогрудых вьет гнездо
из веточек стеклянных
среди стеклянных листьев
но хрупкий родничок пробился
из-под великомаморных корней

как   летом   жить
за перевалом лето

НИ ЗВЕЗД, НИ СНОВИДЕНИЙ

ни звезд
ни сновидений
тягучая наждачная река
шлифует крепкий крест бессонниц

крово-лазерный
похабный смех совы
тоска и равнодушие
незваного Пришельца

убогий эротический туман
с убогим запахом аквариумной тины
и сухость сухость

сухость сухость

кладбищенский кровавый
смех совы

КРЕСТ — ЧЕТЫРЕ ЗВЕЗДЫ

СОЛНЦЕ

- 1) цепенеющее от ужаса затухания
- 2) пульсирующее в эпилептическом припадке
термоядерной ненависти и любви
- 3) похожее на отверстие в небе для лифта
пришельцев
- 4) похожее на язву
заливающую поля брани кроваво-смолистым
гноем
- 5) иступленно ткущее из робких платиновых нитей
сорочку для новобрачной

НЕБО

- 1) ждущее и одинокое
словно зов полуночной птицы
  - 2) коварное
старательно прикрывающее
лоскутком летней лазури
волчью яму космической бездны
  - 3) сдающее Богу в аренду часть синевы
для жилища и рая
  - 4) множащее страх увеличительными линзами
озоновых дыр
  - 5) нежно наполняющее голубизной очи младенцев
-

ЗЕМЛЯ

- 1) похожая на милую доверчивую провинциалку
- 2) тысячу раз обманутая и поруганная
своим властелином
но до сих пор верящая ему
не из наивности — из милосердия
- 3) продающая свое тело
и получающая в виде платы
очередную запись в Красную книгу
- 4) породившая чудовищные
онкологические цветы-монстры
на клумбах радиоактивных захоронений
- 5) слепо вглядывающаяся
в клубящийся водоворот прядущего
катарактовыми глазами отравленных морей
со страдальческим вздохом о человеке

ЧЕЛОВЕК

- 1) алчущий наживы и улады
  - 2) скрывающий в бронированных сейфах
самоуверенности хамства и лжи
свое невежество
  - 3) рыдающий над гробом матери им же убитой
  - 4) ставший Икаром
взлетевший до чистых высот бескорыстия
и любви
  - 5) одиноко бредущий
по скальпельно острым камням пустыни
словно Христос
-

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

белые блики больничного морга
на бледно сиреновом лице врача
на бедном небесном моем свитерке
на яркой щетине отца

ни с чем не сравнимый
хваткий и хриплый
холод целуемой кожи
но самое жуткое
в хрусте сочной глубокой бумаги
у отца под больничной рубашкой

Боже
там нет ничего

отец
трудно ли быть игроком
анатомического театра
где смены и смены актеров
под бедными бликами белых огней

отец
так спокойно лицо твое
но как скрючены серые пальцы
цепляющиеся

скребущие до срыва ногтей
безобразную дикую дверь
за которой остались навеки
даже эти убогие белые блики

о папочка не внушай мне
что еле заметно вздымается
под студеной рубахой
бумажная грудь

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Памяти Геннадия

что это
слуха коснулось
пробившись сквозь ватные пробки крошечного сна
разбудило меня за миг до рассвета

наждачные шорохи волн
лунно сверкнула в которых
                                стаяка рыб
или стайка монет

сладкий бред южных листьев
о долгом томлении страсти
шелест крыльев
как шелест ладоней аплодирующих заре

то — ночные фонари
пунктирно парящие в небе
собираются в стаи чтобы лететь
в страну молодой темноты

возвращайтесь

мой глупый ночник
светящий в неволе
кружится по комнате
бьется о гулкие стены и гибкие стекла

а братья уже далеко

МИКРОРАЙОН

ночные шампиньоны и маслята
из липкого и потного бетона
стекают по осклизлой горке тьмы
в дырявую соломенную шляпу
промышленного астматического утра

как мутная роса
стекают стекла
с боков панельных ноздреватых
жилых грибов

стекают мрачные костлявые антенны
в промышленное зеленеющее небо
по певчим трубам инженерных служб
из не закрытого домохозяйкой крана
бессмысленно стекает миг за мигом
миг за мигом

горячий красный изнурительнейший сон
горячая тревога пробужденья

в промышленно-рассветных облаках
парит невидимый болезненный пришелец

ВИНОГРАДНЫЙ КУСТ

королева дождей
королева дождей
ноготком чертит молнии в небе
огоньками дробящихся капель мерцает
черепичные звонкие крыши обращает

В СВОИ КЛАВЕСИНЫ

извиваясь
лозой виноградской струится
шаловливо по листьям скользит

королева дождей
королева дождей
возбужденные каплями листья
замирают в истоме
а корни в истоме дрожат
а в земле бродят сладкие сладкие соки
и лозу наливают
и сладким желаньем томится лоза

королева дождей
укрывается в перистом облаке сада
за кустом виноградным промокший **меняет наряд**
две упругие
две возбужденные грозди
ушаченно вздымаются под изумрудной парчой

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ С СИГАРЕТОЙ

Н.

ночная телевышка за окном
с одиннадцатью красными цветами
а здесь
сочащаяся тихая прохлада
и мягкий вес в ложбинках пряный дым
сплетаются в бесстрастном поцелуе

торшер похож на медленный родник
родник разлуки медленно струящий
угрюмый нереальный свет забвенья
в котором плавают семь сумрачных видений
семь сморщенных нарциссов-старичков

из шкафа вылетает НЛО
на стол садится с медным стуком
всего лишь пепельница

пресно голубой

тяжелый пепел заполняет дно
и крохотная сломленная спичка
плывет по морю пепла наугад

дыханье женщины полночно серебристо
и не под силу чутким акварелям
изобразить его

а жаль

дыханье есть душа портрета
дыханье женщины таинственно
глаза

глаза озябшие
дневная краска смыта

с ресниц

бессонницы туман

в углу сиреневая тень фортепиано
пиано ночь
пиано жизнь
в печальных пальцах
дрожит хрустящий огонек спасенья
дрожит хрустящий одинокий огонек

затяжка сладкая до горечи души
затяжка горькая до сладости усталой
дрожит хрустящий огонек
во тьме рассветной

РАНИМЫЙ
ОГОНЬ

* * *

Л. К.

В крутой монашьей тишине,
В порывах страсти несвободной,
В наивной правде — лжи бесплодной
Ты будешь помнить обо мне.

В чужом неотвратимом сне,
Бродя меж сфинксов и соблазнов,
Зло или нежно,
Но не праздно
Ты будешь помнить обо мне.

Как будто в адовом огне,
Спеша к супружеским пределам,
Душой, надеждой, жаждой, телом —
Ты будешь помнить обо мне!

И в поздней-поздней вышине
Взовет к тебе легко и властно
О жизни, прожитой напрасно,
Живая память обо мне.

ПЕРЕХОД

Посох вечерний,
Путник ночной,
Утренний трепет
Дали степной.

Поздние тени,
Раненый свет.
— Где ты, родимый?
— Нет меня... нет.

Пыль не осела,
Свѣжи следы.
— Где ты, родимый?
— В капле воды,

В гордой травинке,
В горькой звезде,
В посохе вещем,
Здесь и нигде,

В облачке божьем,
В брызге огня...
— Где ты, родимый?
— Нету меня.

МОЯ ПРОЖИТЫЙ ГОД

Кого-то осудишь,
кого-то прославишь,
с пространством и временем счесть сведя,
мой прожитый год,
ты, как старый товарищ,
помедли чуть-чуть,
оглянись уходя.

Какому мгновенью
мы крикнем: «Воскресни!»?
Где ловкое тело над планкой парит,
Какие припомним заветные песни?
Где совести робкое пламя горит.

Какие припомним заветные песни?
Где совести робкое пламя горит.

Когда на любовь надвигалась опала,
хлестали слова,
никого не щадя,
за дверью распахнутой бездна зияла.
И я прошептал:
«Оглянись, уходя».

---

* * *

Среди неопознанных станций
твой поезд внезапно замрет.
И память прошепчет: останься.
Заботы прикажут: вперед!

Стоянка минуту — не боле.
Но дрогнут сирени кусты,
и сердце сожмется от боли,
и память прошепчет: прости.

Какие сверхмертвые петли
беспечно готовит судьба?
Как филин
в полуденном пекле,
слепая — слезится — изба.

Не сдвинут старинные кружки
сыны позаброшенных мест.
Над куполом ветхой церквушки
гнилушками светится крест.

И полдень,
и полночь наполнит
душой осязаемый свет.
И хочется что-то припомнить,
да времени,
времени нет!

Минута струится устало.
— Вернусь!
И почувствуешь — ложь.
Ведь этот святой полустанок
захочешь —
и то не найдешь.

Где вокруг вековечного сада
ограда из ветра и дней.
Церквушка, кресты и — ограда.
Что было? Что скрылось за ней?

На все это
лягут изломом
двух рельсов тугие рубцы
и скроются за окоемом,
буквально — как в воду концы.

ЖЕЛАННОЕ

Прикоснусь к одежде Иисуса
и челом достану до земли.

— Господи, — взмолюсь, — раба и труса
от земного страха исцели.
Эта жизнь измучена болезнью:
лесть и ложь опаснее чумы.
Эта жизнь отравлена боязнью:
смелых — горстка, трусов — тьмы и тьмы...

Тихой дланью, где кровавый символ,
Иисус махнет мне и, скорбя
о душе моей, промолвит:

«Сын мой!

Только вера исцелит тебя».

ПЛАНЕТА

Куда летишь по воле чуждой?
Грузна, больна.
Какие черные причуды
скрывает даль, что не видна?

Неведомо твое рожденье,
твой путь из темноты.
Погибель ждет через мгновенье,
или бессмертна ты?

С неясным смыслом или праздно
заверчен твой волчок?
Напрасно или не напрасно?
Молчок.

Неужто посвященье в тайну
за той межой,
когда, сойдя в тебя, предстану
перед твоей душой?

ПРАВЫЙ БЕРЕГ

Седого камня вид невзрачный
преобразится с той поры,
когда гигантский круг наждачный
заточит лезвия скалы.

Наждачный круг воды и ветра
в веках вращение хранит.
По сотой доле миллиметра,
но все ж врезается в гранит.

По кручам движется, по кручам.
Его следы сквозь ночь светлы.
И жутко пенящимся тучам
задеть о лезвия скалы.

И лишь на склоне скучном самом,
где вдоволь влаги и тепла,
плешивый мох ползет по скалам —
как будто ржавчина легла.

Но в свете утреннем недаром
гранит — огонь и гром, и гнев!
Не молния ль, в скалу ударив,
застряла в ней, окаменев?!

БЛАГОУСТРОЙСТВО

А на лунной дорожке ухабы
диких волн, изнуренных тоской.
Но ползут исполинские крабы
по змее золотистой, морской.

Я и шага не сделал бы там!
Объясните?
Полжизни отдам.

Где же волны, ухабы, подножки?
Как всегда отыскался знаток.
Позвонил. И морскую дорожку
исполинский трамбует каток.

Я и шага не сделал бы там!
Объясните?
Полжизни отдам.

Лих трамбовщик.
Беспечны дельфины.
В бренный берег правее меня
зло вонзилась черненная финка —
исполинская чья-то клешня.

И колышется мертвая гладь.
Ни пройти. Ни понять.

ЗАКАТ. ЛОГИКА

Качается лес не случайно,
помедли в беспечной ходьбе.
Налево — не чаща,
а тайна.
Она неизвестна тебе.

Все в жизни не скучно,
не пресно.
Спасибо за это судьбе.
Но с поля доносится песня,
Она непонятна тебе.

Захлопнет красавица ставни,
но взгляд ее памятен, жгуч.
Да только другому оставлен
под камнем томящийся ключ.

День кончен.
Добавишь: пустычный,
и к дому пойдешь наугад.
Он жалкий,
а вовсе не страшный —
сорвавшийся с неба закат.

Подушку во сне обнимаешь.
Спит женщина, лес и жнивье.
И ты еще не понимаешь,
что это уже не твое.

* * *

Травы скошены,
листья сброшены,
обмелел зелеными сад.

Гость непрошенный —
снег взъерошенный.
Всё, как тысячу лет назад.

Тропки робкие,
путь-дороженьку
навсегда схоронил снегопад.

Запорошено,
заморожено
всё, как тысячу лет назад.

Даже солнышко,
кратко-сонное,
светит нехотя, наугад.

Ветром стая
с деревьев сорвана.
Всё, как тысячу лет назад.

Вот и милая
смотрит-хмурится.
Лед теплее, чем этот взгляд!

Дверью хлопнула —
и на улицу...
Как и тысячу лет назад.

Что торопишься?
Ведь не гонятся.
Снег поблескивает, как виноград.

Тихо в горнице,
худо в горнице
больше тысячи лет подряд.

ЗНАМЕНИЕ

Л.

Осень
камениста и багрова,
равнодушна дождевая даль.
Стайка букв спешила слиться в слово,
В слово ненадежное: п е ч а л ь.

Осень,
словно нищенка, убога.
Тучи,
как могильные холмы.
Теплилась случайная дорога,
на которой повстречались мы.

Бог
взирал на нас осенним взглядом.
Чьи-то вздохи тяжелили высь.
Лишь мгновенье мы стояли рядом.
Горько улыбнулись. Разошлись.

Мгла. Дорога,
стылая, седая.
Серый свет и черная вода.

— Господи! Куда же я, куда я?
Господи! Ведь это навсегда.
Как нелепо все в осеннем мире!
Что там брезжит?

— Ничего. Остынь.

— Стайка букв. Их, кажется, четыре. —
Имя!

...Вспышка молнии. Аминь.

ТАКОЙ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС

Мы часто ненадолго расставались,
но встреча новая — как маленький оазис
в пустыне ожиданий и разлук.

Жила любовь, и было чувство долга.

Но вот мы разлучаемся надолго,
и каждому подумалось: а вдруг...

Не видясь, мы не выдержим разлуки.
Так, как оглохший забывает звуки,
так, как ослепший забывает свет,
неужто мы забудем друг о друге
в огне соблазнов и в угрюмой выюге
безликих дней?..

Любимая, о нет!

Представь себе, что мы канатоходцы,
и пусть стальная жилка долго вьется,
но мы пройдем над пропастью измен,
над острыми камнями наветов,
над топью искушений и советов.
И будет все, как есть, без перемен!

И я не лгал в то горнее мгновенье.
А после — было сладкое паденье,
и я не вижу в том ничьей вины.
Я все забыл. Утехам и заботам
служу исправно. Кстати, для чего там —
высоко в небе — чистый звук струны?

ДИАЛОГ

— Мелодия какая на устах?
О том, что ты отчаялась, устав
Ходить по заколдованному кругу,
Что твой жених увел твою подругу,
Что сумки тяжелы и рынок дорог.
И путь до воскресенья страшно долог?

— Мелодия какая? Что за вздор.
Мелодий нет и кончен разговор.
Мелодий нет, есть страх и нервотрепка.
И до зарплаты — только рубль и трешка.
До слез, до сумасшествия, до воя.
Как злая воля — злая бабья доля!

Мелодия!.. Когда же это было?
Когда я в мини-юбочке ходила,
Когда январь сочился соком вешним,
И рифмовалось внутреннее с внешним.
День озарял, манил ночной венец.
И ты со мною рядом был... подлец.

ПИСЬМО

Чужая любовь и преграда
в две смерти,
в три жизни длиной.
В постылой глуши звездопада
тебя не забуду, родной.

Чужая судьба, как твердыня,
усталой гнетет пеленой.
От самых истоков доньше
я помню тебя, мой родной.

...На гребне бездонных скитаний
я хлыну на берег земной
стихией надежд и страданий, —
вовсеки твоею, родной.

И в шелесте млечных ладоней
застыну упавшей волной.
И взгляда не будет бездомней,
и ты отшатнешься, родной.

ОСЕННЯЯ ЗВЕЗДА

В одеждах из надежды и смятенья,
в туманах ночи, страсти и стыда
сквозишь лучом,
скользишь усталой тенью,
спешишь куда-то,
но придешь сюда,

ко мне. Вздохнешь и скажешь: «По привычке.
Не обольщайся, нынче — не вчера».
И сторбится обугленная спичка,
и смолкнут угли прошлого костра.

...Но медлишь ты.
В глазах мерцают ветры,
как в снежном небе —
ранние слова.

С земли ночной на ледяные ветки
вот-вот вспорхнет опавшая листва.

Наш разговор продлится,
и приснится
о том, что недра осени пусты,
что краток век у полуночной птицы,
но долгод век у призрачной звезды.

* * *

Звучанье горечи сродни дыханью скрипки
В тиши страдания, когда гнетет вина.
Простите мне все прошлые ошибки.
— Прощаю, — отзывается струна.

Струна предчувствия, звучи светло и нежно,
Спасай надеждой душу вновь и вновь.
Беду любую одолей, надежда,
Любую боль превозмоги, любовь.

И чем пронзительнее горечи звучанье,
Тем безотчетнее влечение любви.
И мимолетной встречи неслучайность
Толчками отзывается в крови.

Всю накипь туч шальных,
Всю тяжесть злых туманов
Заветный дождь с души и с неба смыл.
Боль разочарований и обманов
Не улеглась, но потеряла смысл.

Не прошлой памятью,
Не будущим гореньем,
Любовь живет во слаwie свое
Теперешним — единственно — мгновеньем,
Все прочее вне логики ее.

ЗОВ

Л.

Ни водка, ни вой, ни молитва, —
ничто мне не сможет помочь.
Смеется горящая бритва.
Царит ваша брачная ночь!

Виденья, виденья и звуки
мне Бог посылает, скорбя:
чужие, поспешные руки
и губы ласкают тебя.

Волос твоих траурный ветер
избраннику веет в лицо.
Навеки, навеки, навеки —
законных объятий кольцо.

Я вспять переламывал реки.
Я дыбил пучины морей.
Но здесь я — бессилен. Навеки
уже ты не будешь моей!

Царит ваше брачное ложе,
кричит вашей близости дрожь.
Зачем Ты,
за что же Ты, Боже!
Мне видеть все это даешь?!

Прервав мою вечную стужу,
не Ты ль мне дозволил, Господь,
Любить этой женщины душу,
Познать этой женщины плоть.

Наивные грезы! убиты.
Надежен супружеский кров!
На ласковом лезвии бритвы —
голодная кровь.

ЦЕНА

— Не люблю тебя! — крикнул с порога.
Свою душу доверил гульбе.
По дороге пошел. Но дорога
привела меня снова к тебе.

— Ведьма! — крикнул. Себя троекратно
осенил православным крестом.
Воспарил. Дни мелькали, как пятна.
Рухнул наземь — увидел твой дом.

— Подпалю! Хоть орлы мне, хоть решки!
Спичке внял — перегаромдохнул...
Синим тлели во тьме головешки.
Прослезилась душа. Я уснул

вечным сном. И упрашивал Бога,
чтоб приснились хоть раз те года:
прошлый мир, где любая дорога
лишь к тебе приводила всегда.

ПРИТЧА

Старца этого в жизненном дрейфе
не сшибала ни ложь, ни слеза.
Но однажды на высохшем древе
перед ним распустились глаза.

Он вскричал:

— Да за что ж эта кара?!

Он притих, будто дали под дых...

Ветки к югу — в соцветиях карих,
ветки к северу — сплошь в голубых.

Старец,

чуду препятствовать слясь,

то ругался, то рушился ниц.

По ночам эти очи светились

в ореолах невидимых лиц.

...Наши встречи с ним были нередки.

Раз пришел он

и бряк невпопад:

— Их сто восемь. Не выдержат ветки...

Мы пошли в его сумрачный сад.

День меж тем разгорался все ярче.

От усмешки сдержавшись едва,

я сказал:

— Где ж глаза твои, старче?

Погляди-ка, ведь это — листва!

Будто я его чем-то обидел.
Пальцем ткнул он и гаркнул:
— Балда!
Вот глаза! Я и раньше их видел.
Только вот у кого?..
— Ерунда!
— Старость.
Путаю грезы и были.
Что — начало? Что — вечный причал?!
Где ж я видел вот те — голубые,
где я карие эти встречал?

Старец дивным видением бредил,
над листвою трепетавшей бубня:
— Может быть, я когда-то их предал?
Пожалейте! Простите меня!

С дикой жалостью неутолимой
всё оглядывал он деревца.
...Ночью снились мне очи любимой,
очи матери, очи отца.

Жжет печаль
с каждым годом сильнее,
если вижу средь рощ и аллей:
ветки к югу, где листья темнее,
ветки к северу, где голубей.

И конец
суете и покою, —
так захочется в сумраке дня
разрыдаться над вечной листвою:
— Пожалейте! Простите меня!

СТРАННОЕ ОБЛАКО

Где наждачное облако плыло,
разрывался небесный покров.
И, как молния,
очи слепила
голубая, глубокая кровь.

Сойка вскрикнула,
замерла цапля,
самолета застыла стрела...
И густая, горячая капля
Землю вздрогнувшую обожгла.

ГРОЗА

...гром все чище
и тучи строже
и пульсируют молнии первые
будто с неба сорвали кожу
и оно
с обнаженными нервами

* * *

Там, где ясная зелень густа,
вдруг упали торючие росы.
Это тихие травы грустят
и прощаются
перед покосом.

Далеко до утрат и обид.
Что же взор твой туманится му́кой?
Это бедное сердце болит
перед вечной разлукой.

СТРОГИЕ ПТИЦЫ

Мраморный сентябрь.

Конец идиллий.

Вялый воздух, вялый вечер, но
строже птицы —

что-то затаили...

Рвется в небо ставнями окно.

* * *

По саду ступает

ночной листопад.

Все в слух обратилось.

Не видно ни зги.

Смирненные листья,

слетая, шуршат,

Как чьи-то шаги.

ШТОРМ

Волны летят на жестокий берег,
как мотыльки на огонь.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

Серая осень —
на сером песке.
Взгляд — непогода.
Белая прядка:
на смуглом виске
у небосвода.

Серая осень
парит над землей,
входит сквозь стены.
Осенью, летом, весной и зимой
осень нетленна.

Спаяны два обручальных кольца —
будто бы навзничь упавшее восемь, —
знак бесконечности —
страх бытия —
серая осень.

ВАШИ ПРОБЛЕМЫ

(Ироническое)

Поцелуя прозренья темно.
У любовников гаснет окно.
Гулко стонут пружины дивана.

Гормонально-сжигающий пир.
Меркнет мир и рождается мир
в излияньях слюны и тумана.

Лишь извергнут горячий туман, —
четвертная ложится в карман.
Запах дезодоранта и пота

выползает змеей из окна.
Поцелуя удача темна,
но рассеяна чья-то забота.

А напротив страдает студент. —
Вновь к соседке приходит клиент.
Гаснет свет, разливается флейта.

Что же делать, коль нет четвертной?
Как — под яростный ритм за стеной —
изучать сексуального Фрейда?

ТАИНСТВО

В сером подвале ни тьмы, ни света.
Вонь испражнений, похоти смрад.
В странном изгибе застыла Джульетта,
Выпятив лунно мерцающий зад.

Пьяный Ромео — ни тьмы, ни света
из омертвевших сухих зрачков.
Спущены джинсы, в зубах сигарета,
Сыплется пепел от резких толчков.

ЗАВИСТЬ

Наземь рухнувший ничком,
смотрит космос одиноко
голубым небесным оком
с огненным зрачком.

ОШИБКА

Посмотришь, как солнце садится,
как страшно бледнеет заря,
как вянет на дереве птица,
И горестно выдохнешь:
— Зря!

Так медленно катится ночи
серебряное колесо.
Так спешно смыкаются очи,
и шепот срывается:
— Всё!

И траурных лент позолота
летит в безымянную даль.
И страшно невидимый кто-то
вздыхает:
— Мне тяжко... Мне жаль...

СВИДАНИЕ

Слетала тень густого одеяла,
Манила белизной живая тьма.
И в такт движениям нашим ты шептала:
«Ой, мамочка!.. Ой, мамочка!.. Ой, ма!..»

Дрожали страстью
Губы, груди, руки,
Пульсировали бедра и живот.
И стоны — перед гребнем сладкой муки,
Истошно-иступленные!

И вот...

Какого вещества какая плазма
Какой библейской жалила змеей,
Когда два тела в судоргах оргазма
Клубились между небом и землей?!

...Когда очнулись
Среди жизни прежней,
Сварили кофе на глотке росы,
Была такой ты трогательно нежной!
А я смотрел украдкой на часы.

— Мы встретимся?
Ты улыбнулась вяло.
Постылых дел надвинулась зима.
Но Господи! Как сладко ты стонала:
«Ой, мамочка!.. Ой, мамочка!.. Ой, ма!..»

ПОСЛЕ...

Мягкий трепет неба золотого.
Рваный бег напористого дня.
Вечер. Горизонт — петлей итога...
Будто бы и не было меня.

Мамин лик в туманных клочьях стирки.
Нервная, скользкая родня.
Лампа. Света тусклые опилки...
Будто бы и не было меня.

Чай вечерний. Тени глядят стену.
Болтовня, упреки, вялый спор.
Кто о чем! Лишь траурную тему
не затронет общий разговор.

И когда чуть внятно, чуть упрямо
странный стук послышится в ночи,
то его узнает только мама.
Вздрыгнет. Побледнеет. Замолчит.

Мама, мама!
И умрешь не веря,
что подведена за мной черта.
Двери распахнешь. Но вновь за дверью
вечная качнется пустота.

НАКАНУНЕ ГРЯДУЩЕЙ ДОРОГИ

Не в зеркало гляжусь,
гляжу в тугую даль,
осеннюю, осеннюю, родную...
Но неба перламутр
и туч живая сталь
скрывают ипостась мою
иную.

Не в зеркало гляжусь,
пытаюсь рассмотреть
себя иного
за чертой предела.

Но треть пути, оставшаяся треть
мой отвлекает взгляд,
мое волнует тело.

Оставшаяся треть — пленительный пробел
за легкой пеленой моих сомнений.
Не в зеркало гляжусь...
Сокрыт земной предел.

Решителен дурак,
стремителен злодей,
задумчив гений.

Об авторе

Павел Борисович Баулин родился в 1949 году в городе Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1966 году окончил запорожскую СШ № 73, учился в Днепропетровском инженерно-строительном, а затем в Запорожском машиностроительном институте, который окончил в 1971-м. Работал в производственном объединении «Запорожтрансформатор» инженером-конструктором, старшим инженером, социологом. С 1976 по 1990 годы был на преподавательской работе. В течение четырех последних лет возглавлял Запорожское областное литературное объединение имени Михаила Гайдабуры.

Первое стихотворение Павла Баулина было напечатано 29 февраля 1964 года в заводской многотиражке «Энергетик», затем стихи поэта публиковались в периодических изданиях Москвы, Киева, Запорожья, Воронежа, Ташкента, Элисты, других городов. П. Баулин — автор многих коллективных сборников, альманахов. В 1987 году принят в Союз писателей СССР.

Отдельными изданиями стихи Павла Баулина выходили трижды: «РОДНИКОВЫЕ ДНИ» (Днепропетровск, издательство «Промінь», 1980 г.), «КАМЕРТОН ДОБРОТЫ» (там же, 1986 г.), «СЛОВО И ДЫХАНИЕ» (Киев, издательство «Молодь», 1988 г.).

«НА ПАМЯТЬ ОБО МНЕ» — четвертая книга поэта.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Когда я понял, что у вас в чести...»	3
---	---

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Монолог	6
Российское откровение	7
Сон грешника	10
Расплата	12
Речка Родины	13
Последний алхимик	14
Крылья	15
Провинция. 1989	16
Славянская явь	17
Ночная тропа	19
666	20
Демоническое. Вампир пресыщенный	21
Шестое чувство	23
Русский узел	24
Два сердца	26
Считалка	27
Искушение	28
Страх	29
Откровение	30
Судьба	31
«Все мимо — и любовь, и грезы...»	32
«Не знаю, может быть, и легче...»	33
Воздушный миф	34
Технологические стихи	35
Дерево на колме	37
Декабрьская трасса	38
«Удача! Слава!..»	39

БЕЛАЯ ДОРОГА

Полет	42
Создатель	44
«я лежу в колыбели...»	45
«этот утренний снег...»	46
Проверка в пути	47
Сон	48
Преуспевающий садовник	50
Усталость первая	51
«что сулит мне квадрат горизонта...»	55
«платонический месяц декабрь...»	55

Портрет девушки	56
Озеро у перевала	57
Ни звезд, ни сновидений	59
Крест — четыре звезды	60
Последняя встреча	62
Ночные птицы	64
Микрорайон	65
Виноградный куст	66
Портрет женщины с сигаретой	67

РАНИМЫЙ ОГОНЬ

«В крутой монашеской тишине...»	70
Переход	71
Мой прожитый год	72
«Среди неопознанных станций...»	74
Желанное	76
Планета	77
Правый берег	78
Благоустройство	79
Закат. Логика	80
«Травы скошены...»	81
Знамение	83
Такой естественный вопрос	85
Диалог	87
Письмо	88
Осенняя звезда	89
«Звучанье горечи сродни...»	90
Зов	92
Цена	94
Притча	95
Странное облако	98
Гроза	99
«Там, где ясная зелень густа...»	99
Строгие птицы. По саду ступает ночной листопад...»	100
Шторм	101
Ностальгическое	101
Ваши проблемы	102
Таинство. Зависть	103
Ошибка	104
Свидание	105
После...	106
Накануне грядущей дороги	107
Об авторе	108

Баулин П. Б.

Б29 НА ПАМЯТЬ ОБО МНЕ: Стихотворения. — Запорожье: РИП «Выдавэць», 1992. — 112 с.

ISBN 5-7707-1936-2

Главная тема новой книги поэта, главный вопрос который автор задает и себе, и каждому из нас внешне прост, несмотря на структурную сложность необычную метафоричность и ассоциативность многих стихотворений. Этот вопрос сформулирован в этом в его давней поэтической строке: «Что запомнит Земля о тебе?»

Б 4702010200-030 **Без объявл.**
92

ББК 841

Литературно-художественное издание

БАУЛИН Павел Борисович
НА ПАМЯТЬ ОБО МНЕ
Стихотворения

Редактор **Ю. С. Заруба**
Художественный редактор **Н. Г. Уколов**
Технический редактор **Л. С. Стягова**
Корректор **Л. В. Бовкун**

Сдано в набор 01.07.92. Подписано в печать 03.08.92. Формат 70x100 1/32. Бумага писчая № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,5. Усл. кр.-отт. 4,58. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 2000 экз. Изд. № 464. Заказ № 3637.

Редакционно-издательское предприятие «Выдавэць».

330002, г. Запорожье, ул. Грязнова, 71.

Типография издательства «Коммунар».

330094, г. Запорожье, пр. Ленина, 152.